Я никогда не думала, что буду настолько рада своему увечью. Нет, действительно! Никогда не была мазохистской и не любила боль, хотя умела ее игнорировать, но время проведенное с неко меня слишком сильно расслабило и я прямо всем нутром ощущала, как оно утекает. Где-то на задворках сознания начинала мелькать мысль, что ранения не так уж и плохо, если можно так отдохнуть.

Две недели — это много или мало? Не знаю. Смотря с какой стороны смотреть.

Две недели дома, под присмотром Фугаку или Микото, а то и обоих сразу, но без брата… это для меня ад.

Две недели с братом и Шисуи. Под присмотром Неко-баа и неко — настоящий рай. Боль в ногах и последствия чакроистощения нисколько этого не меняли, наоборот, позволяло поверить, что происходящее не сон, а реальность.

Впрочем, любое хорошее и плохое, имеют странную тенденцию заканчиваться. Хорошее даже быстрее. Я в этом полностью убедилась на своей шкуре. Две недели отдыха пролетели в миг, под конец я даже стала себя ловить на мысли что-нибудь еще повредить, чтобы остаться подольше. И меня не остановил даже здравый смысл, только мысль о разочарованном взгляде Итачи. Пожалуй, если бы не понимание, что таким образом я только расстрою его, я бы плюнула на все и нашла бы способ покалечиться. Учитывая мое слегка неадекватное состояние, почему-то я не верила, что сделать это смогу без последствий для себя. Я даже рада, что чувствующий что-то неладное брат, постоянно мелькал перед глазами. Да и Шисуи внезапно воспылал желанием поделиться со мной какими-то полезными знаниями.

Внезапному всплеску общения я была рада, пусть с большим удовольствием послушала не про основных поставщиков или особенностях каждого отдельно взятого оружия и специфики их применения, мне даже основы гендзюцу стали давать! Это, несомненно, была важная, невообразимо полезная информация для этого мира, но мне больше нравилось слушать про чужие бравые похождения, пусть и осознавала, что мне подобное не светит. Итачи и Шисуи не торопились рассказывать о своих миссиях. Отчасти я понимала почему, давно лишившись веры в лучшее и прекрасно поняв специфику предоставляемых шиноби услуг, но после вновь пришел тот странный кот с раздвоенным кончиком хвоста и я получила полный пересказ их приключений на территории неко. Ну, или не совсем полный, что вероятнее, но это не

помешало мне откровенно ухахатываться, периодически ойкая от боли. В конце концов, не я первая, не я последняя, кто творит всякую хрень на территории магазина Неко-баа и ее предшественниц. Мне даже пара забавных историй про Мадару с его братом Изуной перепало, пока брат не услышал, как мне втирают про милого мальчика, ня.

Правда, я так и не поняла в чем ужас рассказов о идиотизме детей живших еще до создания Конохи. В конце концов, это же не преступление — гоняться за неко в свободное от порученных дел время? Я бы вот тоже бы все эти две недели за ними носилась, но травмы оказались куда серьезнее, чем мне пытались внушить, а владеющих ирьедзюцу поблизости не было. И даже дополнительное время не сильно помогло, брат все так же запрещал мне ходить самостоятельно (в первые два дня, даже в туалет носил и помогал с одеждой, либо он, либо Шисуи, что вдвойне смущающе!), да и я не особо стремилась к самостоятельности, откровенно кайфуя от чужого внимания.

Эгоистка.

Хотя акробатические трюки с стягиванием одежды, особенно шорт, чтобы не тревожить болтающиеся тряпочкой ноги, откровенно напрягали, да. Еще больше смешило, конечно, особенно в первый раз, когда меня Шисуи за подмышки держал, каким-то невообразимым способом прикрепившись к потолку, пока я изображала из себя червячка и пыталась стянуть тряпки. И смех, и грех. Благо, я стеснительной не была, не с моей семьей, да и не в приюте таким страдать. Хотя различия мальчиков и девочек нам объяснили рано, но вот понять почему определенных действий надо стыдиться… мозг обработал это уже в зрелом возрасте и без особых эмоций. Я просто знала, что так правильно, но не более. Собственно, не в четыре года стесняться четырнадцатилетнего обормота. Для этого еще стеснялки не выросли, сплошные равнины.

Я не отказывалась признавать свою некоторую ущербность в эмоциональном плане, но и не гордилась. Просто осознавала, что мне уже вторую жизнь подряд отчаянно не хватает обычного человеческого общения и… тепла. Каждый переломный момент, мгновение, во время которых я нуждалась в поддержке, я была одна. Нет, не просто одна, а еще без возможности к кому-то обратиться и найти понимание. В прошлой жизни это воспринималось как данность, а в этой принять подобное было не так просто. Впервые я осмелилась признать, что место, где живу с родителями и братом, домом я не считаю. Это была клетка, которую даже для вида не пытались покрыть позолотой.

Клетка… да? Признание этого ничего не меняло, она просто становилась еще ужаснее в моих глазах, ведь я прекрасно осознавала, что из нее мне не выбраться еще лет десять. При самом благополучном раскладе — пять лет, но видя перед собой брата… я не стану заканчивать местную военную школу так же рано, как он. Это не поможет. Сделает лишь хуже. Итачи — наследник, а я — химе, младший ребенок в семье. Моя роль во всем этом фарсе примерно такая же, как и у других имеющих такой статус. Ни Клан, ни Фугаку не позволят мне сбежать. Стать же за пять лет тем, кто сможет наплевать на мнение кого угодно… сомневаюсь, что такой подвиг могли сделать даже ставшие посмертными легендами основатели Конохи. Эти тоже получили прозвища содержащие слово «Бог» уже в зрелом возрасте.

Грустный вздох. Мне нравилось находиться в Сора-ку. Это место ощущалось неправильным, но в нем я была свободна. Хотя нет, свободой в полном смысле я это не считала, просто именно здесь надо мной не довлели обязанности перед Кланом и неоправданные желания Фугаку. Здесь я была просто собой и могла в любой момент получить если не понимание, то благодарных слушателей. Никто из неко не стал бы смеяться над моими страхами, но по большей части мне даже это не было нужно, гораздо ценнее было просто засыпать ощущая кого-то рядом, слышать тихое мурчание. В этом плане неко оказались не хуже обычных кошек, всегда давая себя погладить, радостно носясь за шуршащими листиками и составляя компанию. И не важно, что в большинстве своем они даже говорить не могли. Иногда было нужно просто присутствие хоть кого-то рядом.

— Как твое самочувствие, химе, ня? — будто чувствуя мою меланхолию, рядом возник из ниоткуда наглый кошак. Мне кроме его внешности (хотя и она под вопросом, ведь Шисуи что-то про любовь неко к гендзюцу втирал!) и странного имени Некомата, ничего не известно.

— Лучше, чем было, — пожимаю плечами, разговаривать желания нет, мне куда больше импонировал котенок, которого я спасла и он редко оставлял меня одну. Вот и сейчас он отвлекал меня от плохих мыслей, увлеченно гоняясь за импровизированной игрушкой, что я сделала из перышка пары ниток, ветки, клея и такой-то матери. Этот же котяра был для меня синонимом проблем, уж очень наглый взгляд и самоуверенное поведение, а еще он знал непозволительно много. Нет, не так. Может он знал и не много, но был проницательным и уже смог вызнать всю мою подноготную, когда я была в наиболее уязвимом состоянии.

— Ня? — вопросительный взгляд и следом фырчащий смех. — Не хочешь возвращаться, котенок?

— Не хочу, — ни на мгновение не сомневаюсь в ответе.

— Хм… — хитрый прищур, я прямо слышу, как в голове у Некоматы вращаются шестеренки и он продумывает, как из сказанного мною извлечь максимальную выгоду. В его случае… максимальное веселье. По крайней мере, у меня оставалось такое впечатление после каждой беседы с ним. Этот кот был слишком игривым. — Химе, мы могли бы тебе помочь, но только после того, как ты докажешь свою ценность, ня.

— Ты об этом уже говорил, — согласно киваю, даже не пытаясь прикинуться уважительной. Нет, я не считала себя сильнее его, просто за это время поняла, что ему глубоко плевать, как я к нему обращаюсь. Тут главное не наглеть и не переступать определенную черту, я не переступала, да и своим поступком в отношении маленького неко заслужила определенный кредит доверия. Хотя злоупотреблять этим все же не стоит, ведь не всегда удастся отделаться малой кровью.

— Но ты так ничего не ответила, — с трудом усмиряю дергающуюся бровь. Некомата явно определял пределы моего терпения и они быстро заканчивались.

— Я с этим условием согласна, но придумать ответ так быстро не смогу, — пожимаю плечами, призывая к себе в помощь каждую крупицу здравомыслия. — Из-за возраста я весьма ограничена в проявлении своих сил…

— Ограниченна, да? — неко фыркающее рассмеялся. — Я понимаю твои опасения, — невольно поворачиваюсь к нему, встречая его взгляд. Пульсирующий будто в такт сердца продолговатый зрачок — завораживает, не дает отвернуться. Отчего-то вспоминается «если долго вглядываться в бездну…». — Мы будем молчать о твоих… особых силах, — очередной смех, контакт взглядов на мгновение прервался, позволяя очнуться от наваждения. Волоски на теле буквально встают дыбом. Этот дьявольский кошак не простой призывной зверь. — Нам будет интересно смотреть, как ты без него что-то доказываешь, но мы не будем ждать вечно, ня.

— Это условие? — приподнимаю бровь, всеми силами стараясь не показывать, как повлиял на меня его взгляд.

— Да, — Некомата усмехнулся и перевел снисходительный взгляд на бросившего игрушку котенка. — Этот малыш пойдет с тобой, можешь дать ему имя.

— Хм… — прищуриваюсь, что-то меня не радуют такие резкие скачки в разговоре. Он явно не просто так перевел тему, но… кидаю взгляд на мелкий комочек, который замер на месте распушившись и выгнувшись на Некомату. Он не шипит, но вид имеет воинственный. Не похоже, что он может стать шпионом, да и нет смысла мне этого опасаться. Кроме шарингана, о котором уже всем неко точно известно, других тайн у меня нет.

— Не доверяешь? — чужой взгляд отдает ехидством.

— Пробыв здесь, я заметила, что неко щепетильно относятся к своим котятам, — отвечать напрямую даже не думаю, он все равно любой мой ответ может извратить. Я уже через это проходила.

— Они дали согласие, — удивительно, но придираться к моим словам он не стал. — Да и он сам хочет этого. Мы не можем его запереть, лучше отдать тому, кто сможет присмотреть.

— Ясно, — киваю, принимая чужой ответ. Не скажу, что считаю его верхом логичности, но другой я вряд ли получу.

Котенок понимая, что разговор о нем, моментально забывает о воинственном настроении, осторожно подходя поближе и цепляется лапками за рукав юката. Да, о шортах и майках пришлось забыть уже в первый день травмы. Впрочем, это не так важно, просто меня умиляет

чужая внимательность, он ведь мог запрыгнуть мне на ноги (вес-то невелик, ничего бы не случилось), но не стал. Хотя это не помешало ему встать так, чтобы на него выгодно падал свет. Пушистая, кажущаяся в местном освещении дымчатой шерстка, красиво переливалась, радуя взгляд. На деле же его окрас был неоднородным, бело-коричневым, причем коричневый был с рыжеватым отливом, но не зря говорят, что в темноте все кошки серые. Еще больше цепляли большие, невинные глаза насыщенного янтарного цвета.

За это время малыш меня неплохо изучил. Не поддаться такому взгляду было крайне сложно, даже веселье более взрослого кота не отпугивало. И если раньше я побаивалась давать имена, не считая себя в праве, то сейчас внутренние противоречия разрешились сами собой.

— Я буду звать тебя Хатсуюки*, — неоднородный окрас навевал мысли о прошлой жизни. О первом снеге, который ложится на землю. Первая попытка зимы изменить облик мира, спрятать грязь, что окружает. Мир еще не стал белым, как чистый лист бумаги, но природа уже собралась отдыхать, чтобы набраться с силами и весной заиграть новыми красками. Первый снег — это начало перемен и надежд на лучшее.

— Хатсуюки. Превосходное имя, — с небольшой насмешкой прозвучало от Некоматы, но мне было плевать. Это имя понравилось малышу и это главное, а я… кажется, у меня наконец-таки появился хоть кто-то, кто точно будет рядом и я эгоистично радовалась этому. Об остальном можно поразмыслить позже и найти ответ, как решить проблемы. Благо. Некомата не торопит с ответом, осталось придумать что-то достойное уже для него.

Продолжение следует…

Примечание:

* Хацуюки – Первый снег

http://tl.rulate.ru/book/71427/1976093